
1. АВТОБИОГРАФИЯ В.М. БЕХТЕРЕВА ИЗ ФОНДОВ МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ В.М. БЕХТЕРЕВА

Родился я в с. Соралих¹, Елабужского уезда, Вятской губернии 22 Января 1857 года². Детство свое провел при своей семье, состоявшей из трех братьев и родителей, и перекочевывавшей, в силу служебных перемещений отца, из Вятки в уезды Вятской губернии и обратно. Впрочем, раза два родители оставляли меня подолгу у родных, живших в уездных городах Вятской губернии. Отец мой умер отчахотки, когда мне было еще 9 лет; после его смерти семья наша навсегда поселилась в г. Вятке, где имелся дом, дававший лишь небольшой доход – главный денежный ресурс всей нашей семьи³.

¹ В документах встречается разное написание названия села: Сорали, Серали и Сарали. Вероятно, последнее, самое верное, т.к. на «Геометрическом специальном плане» села Сарали Вятской губернии от 1798 г. село названо Сарали. Подобное написание имеется и в работе В.П. Семенова-Тян-Шанского // Россия. Полное географическое описание нашего отечества, СПб., 1914. – С. 542.

² В документах указаны разные даты рождения В.М. Бехтерева. В этом варианте автобиографии, а также в воспоминаниях старшего брата В.М. Бехтерева – Николая Михайловича Бехтерева указывается 22 января 1857 г. Эта же дата зафиксирована при крещении 23 января 1857 г. в метрической книге Петропавловской церкви с. Сарали в виде автографа отца ученого – Михаила Павловича Бехтерева «Свидетельствую что сын мой Владимир родился 22 января 1857 г...». В автобиографии, составленной для издательства L.R. Grote, В.М. Бехтерев указывает 20 января. В 2006 г. исследователи (А.Г. Комиссаров, Д.А. Шишкин) из г. Набережные Челны в монографии «Село Сарали – родина В.М. Бехтерева» приводят еще одну дату – 19 января, обнаруженную в формулярных списках отца В.М. Бехтерева – М.П. Бехтерева за 1861 и 1863 гг.

³ В фондах мемориального музея В.М. Бехтерева хранятся воспоминания старшего брата В.М. Бехтерева – Николая Михайловича (Фонд 1, ед.хр. 218, л. 1-46):

«В семье нашего отца, чиновника Михаила Павловича Бехтерева и его жены Марьи Михайловны, было трое сыновей, из которых младший Владимир родился 22 января 1857 г. в селе – Соралих Елабужского уезда Вятской губернии.

Откуда происходит наша фамилия Бехтеревы, кто наши предки со стороны отца, не имеется никаких следов. Мы знаем только имена наших деда и бабушки – Павел Герасимович и Хиония Матвеевна – и, кроме имен, об них ничего... В Вятской и Пермской губерниях наша фамилия встречается в деревнях. Пожалуй, вот и шутили объяснение фамилии: в словаре Брокгауза и Ефрона есть слово «бехтерец», означающее какие-то монгольские военные доспехи, и по уверению знакомого историографа русские во времена монгольского ига, носившие какие-то военные доспехи, назывались «бехтеры». А мне казалось, что у детей в ранние годы как будто замечается типичный восточный разрез век, исчезающий с годами.

Спустя год после незначительной домашней подготовки я был отдан во второй класс Вятской гимназии. Последнюю я проходил успешно и получал вообще хорошие отметки, переходя из класса в класс в большинстве случаев без экзамена.

Впрочем, я не прилагал больших стараний к гимназическим занятиям. Особенно это должно сказать по отношению к двум старшим классам – шестому и седьмому, в период прохождения которых во мне пробудилась потребность чтения посторонних книг.

Следует заметить, что гимназия в наше время еще не знала греческого языка и вообще не обременяла учеников уроками так, как в настоящее время. Тем не менее, она мало привлекала к себе симпатий своих учеников и почти не вселяла в последних любовь к знаниям, а скорее производила на них противоположное действие.

В воспоминании моем до сих пор воскресают картины классных гимназических занятий, когда вместо переводов с латинского или французского языка почти весь класс, составив предварительно парты таким образом, чтобы не существовало между ними проходов, занимался преоригинальнейшей музыкой на сломанных стальных перьях, воткнутых в парты, когда на стенах классов начинали, по мановению сидевших сзади учеников, ходить в разные стороны большие стеновые карты, когда к ногам учителя летели: мел, заячьи лапки для стирания и даже

Что касается предков со стороны матери нашей, урожденной Назарьевой, то знаем, что наш дед Михаил Трофимович и бабушка Надежда Львовна родились в уездном городе Новинске Вятской губернии, что и похоронены в ограде тамошнего собора. Далее из надписей на памятниках можно заключить, о дедушке, имевшем чин титулярного советника...

Лишившись отца, умершего в молодых, около 37 лет от чахотки, братья имевшие 14, 11, 8 лет, остались в г. Вятке, в купленном, еще при жизни отца, за 2000 (руб.) с чем то, дому... при матери-вдове. Средствами к существованию осиротевшей семьи были: упомянутый дом двухэтажный, полукаменный с деревянным одноэтажным мезонином флигелем, ... а во флигеле, где тепло мальчики жили в мезонине, сохранились в кухне и полати, на которых грелись зимой, спали и коротали за уроками долгие зимние вечера при сальной свече за отсутствие тогда керосиновых ламп, иногда освещала кухню лучина – курилка, воткнутая над тазом с водой...

Дом сдавался в наем за 12 руб. верх и за 6 руб. низ. Да, может быть, после отца осталось шесть сторублевых процентных билетов и три выигрышных, стоивших в ту пору не более 100 руб. каждый. Такое состояние по тому времени, пожалуй, можно считать и не из бедных. Ведь тогда мясо стоило 1,5 коп за фунт, масло скоромное 10 коп., яиц десяток 3 коп., хлеб 1,5 коп за фунт, а брали и по 1 коп. ломти из котомок у нищих, лучшие для себя, смятые же для своих собак. К этому свой двор давал возможность держать птицу и садить в огороде овощи. Далее некоторая работа по дому, например: рубку дров, подметание двора, сребание с тротуара вокруг дома снега – исполняли сами братья, поощряемые иногда гривенной (3 коп.), обещанной матерью, но нередко забываемой. Помнится пробовали шить для себя дома башмаки из экономии, а может быть, услышав о том же про Льва Николаевича Толстого...

Взносы в ту пору были ничтожные: в гимназию 12 руб. и в университет 25 или 50 руб. в год; и жизнь в университетских городах стоила от 10 до 15 руб. в месяц.

Даты кончины ни Николая Михайловича, ни Александра Михайловича Бехтеревых не известны. В ноябре 2001 г. в институт из Вологды пришло письмо и журнал «Мезон», в одной из статей которого «Из рода Бехтеревых» описывается судьба сына Николая Михайловича – Михаила Николаевича Бехтерева (1883-1943) – выпускника Военно-медицинской Академии. Он дважды был репрессирован в 1931 г. и в 1937 г. В «Покаянном письме» от 9 ноября 1938 г. он признавал свою вину в том, что: 1) в 1906 г. был меньшевиком; 2) в гражданскую войну продолжал служить в Белой армии (до 1920 г.), 3) в 1931-1934 годах был осужден тройкой ГПУ на трехлетнюю ссылку с лишением избирательных прав и отбывал ее в Архангельске, а затем в Вологде. В 1937 г. М.Н. Бехтерев с группой вологодских врачей обвинялся в намерении ухудшить санитарно-эпидемиологическую обстановку в городе (сведения из дела, хранящегося в архиве ФСБ по Вологодской области).

«о ужас» редька в больших кусках, валенки, снятые с ног и чернильницы с их содержимым. Учитель, конечно, приходил в ярость, но часто сам боялся докладывать директору о беспорядках в классе, да и доклады эти обыкновенно не приводили ни к чему: виновники большею частью оставались нераззысканными и в следующие дни еще более напрягали свою энергию и остроумие в изобретении шалостей.

Без сомнения так дело велось только у некоторых учителей, у других, напротив того, все обстояло и чинно и строго, но зато почти все наши учителя нас не учили, а лишь задавали уроки и затем спрашивали. Устное разъяснение уроков мы слышали только от некоторых учителей, а рассказ учителя, выходящий за пределы краткого учебника составлял в гимназии вообще крайне редкое явление. При этих условиях самое главное, что нас спасало от невежества, это некоторый остаток свободного от гимназических занятий время, который мы, по инстинктивному влечению, в особенности в старших классах гимназии, посвящали чтению посторонних книг.

В этот период времени в особенности я увлекался сочинениями естественно-научного характера и перечитывал решительно весь имевшийся запас их (в общем довольно значительный) в местной публичной библиотеке. Результатом этого увлечения было то, что в бытность мою в гимназии самую дорогою для меня мечтою было сделаться в общем естествоведом.

При переходе в седьмой класс гимназии, когда эта мечта была уже близка к осуществлению, довольно неожиданно для всех нас пришло известие о введении в гимназиях восьмого класса и уже гимназисты, шедшие годом впереди меня, вместо выпуска, по прохождении семи классов гимназии, должны были остаться в гимназии на восьмой год, нас же семиклассников поместили вместе с ними.

Таким образом преподавание происходило в одном помещении как для седьмого, так и для восьмого класса и разумеется было общим. Это обстоятельство сразу уронило значение реформы в наших глазах, так как мы убедились воочию, что от прибавления восьмого класса, мы не могли приобрести новых знаний, а должны были потратить целый год на повторение пройденного, в котором кроме отрывочных сведений содержалось много никому ненужного умственного балласта.

Вместе с введением 8-го класса в гимназию пришел и достопамятный циркуляр о введении аттестатов зрелости вместо прежних выпускных свидетельств, выдаваемых из гимназии. Циркуляр, конечно, всех нас заставил призадуматься. Да и было из-за чего. В первый же год по введению реформы из всех учеников 8-го класса нашей гимназии получил аттестат зрелости только 1 ученик, считавшийся первым, все остальные гимназисты 8-го класса не удовлетворили экзаменационным требованиям и были признаны таким образом «незрелыми», несмотря на то, что весь восьмой год был посвящен ими повторению старого⁴.

Из этих результатов испытаний на аттестат зрелости мы убедились, что нам не только предстояло бесплодно терять лишний год в восьмом классе гимназии, но еще и должны были предвидеть весьма вероятную возможность засесть в нем на два года, не говоря уже об риске не выдержать вовсе испытания на аттестат

⁴ Справедливость требует заметить, что в первый год по введении аттестатов зрелости рядом с гимназистами, прошедшими 8 классов, было предоставлено право держать выпускной экзамен также двум первым ученикам нашего класса, которые и выдержали испытание успешно. Таким образом, в первый год по введению аттестатов зрелости наша гимназия выпустила всего трех учеников (авторская ссылка В.М. Бехтерева).

зрелости, что, благодаря необычайной строгости испытаний, представлялось вполне возможным, и что действительно и случилось с некоторыми из наших сверстников.

Между тем летом 1873 года, когда мы уже перешли в восьмой класс гимназии, в газетах появилось объявление от Медикохирургической Академии⁵ о приеме в нее до 1 сентября не только лиц, получивших аттестат зрелости, но и гимназистов, перешедших в восьмой класс гимназии по выдержании ими удовлетворительного испытания при самой Академии. Как сейчас помню, объявление это было опубликовано в столичных газетах от 13 августа, а так как в Вятку из Петербурга почта приходит на седьмой день, то объявление у нас получилось лишь 19 августа.

Оно тотчас же было замечено некоторыми из товарищей и уже на другой день весть о нем быстро разнеслась между гимназистами.

Я узнал о приеме в Академию гимназистов, перешедших в восьмой класс, совершенно случайно при разговоре с товарищами, намеревавшимися на основании этого объявления ехать в Академию. Таковых оказалось всего четыре человека, считая в том числе и меня. Должен признаться, что об Академии и преподаваемых в ней науках я имел в то время крайне смутное представление, чтобы не сказать никакого. Тем не менее было крайне тяжело оставаться в гимназии еще целый год, корпя над теми обрывками знаний, а подчас и хламом, с которыми мы возились уже в течении семи лет. К тому же при тех положительно непосильных для гимназистов нашего времени требованиях на аттестат зрелости, которые предъявлялись в первые годы реформы почти значило готовить себя вперед на провал на экзаменах.

На этом основании я решился ехать в Академию, мечтая втайне перебраться затем из Академии в Университет на естественное отделение физико-математического факультета, в случае если бы занятия в Академии меня не удовлетворили. Конечно на всех нас, осмелившихся думать об Академии раньше окончания курса гимназии и избегавших таким образом получения столь ценной в глазах гимназического начальства бумажки, именуемой аттестатом зрелости, многие из учителей смотрели косо и при удобном случае вышучивали нас перед нашими сверстниками. Мы понимали, конечно, что в случае неудачи при поступлении в Академию возврат в прежнюю гимназию для нас был почти невозможен. Тем не менее мы остались искренно благодарны гимназическому начальству за то, что наши бумаги были выданы нам без всякого промедления.

Последнее обстоятельство представлялось для нас в высшей степени важным и вот почему. Так как Академия объявила прием только до 1 сентября и так как всего пути от Вятки до Петербурга пароходами (по рр. Вятке, Каме и Волге) и железной дороге (от Нижнего) ровно семь дней, то мы могли рассчитывать на успех при том лишь условии, если выедем из Вятки не позже 23 августа.

На наше счастье пароход именно и отходил из Вятки 23 августа. В нашем распоряжении таким образом было всего два дня, во время которых нужно было обдумать решение, склонить в пользу его своих родителей, выхлопотать бумаги из гимназии и собраться в дорогу. Все это было сделано впопыхах и 23 августа трое из нас сели на пароход⁶, который и отвалил от берега около шести часов вечера. Четвертый наш товарищ к отходу парохода не прибыл и мы решили, что он изменил свое намерение.

⁵ Ныне Военно-Медицинской (авторская ссылка В.М. Бехтерева)

⁶ Пароходство на р. Вятке в то время еще только что зачиналось и не было ежедневным как теперь – чуть ли не два раза в неделю (авторская ссылка В.М. Бехтерева).

Сидя на пароходе, разумеется, далеко еще не чувствовали себя успокоенными. Не говоря о предстоящих экзаменах при Академии, характер которых для нас оставался неизвестным, мы рисковали не доехать к сроку до Петербурга. Дело в том, что в августе месяце по реке Вятке бывает сильное мелководье и пароходы каждую минуту рискуют прочно засесть на мель.

И действительно, не успели мы отъехать от города 2-х верст, как пароход наш уткнулся в песок и мы застряли на мели. К счастью нашему мы снялись с мели довольно быстро, простояв на месте не более нескольких часов и таким образом отделались только страхом. Для четвертого же нашего товарища это непродолжительное сидение на мели оказалось весьма желательным событием: опоздав с ¼ часа к отходу парохода от пристани, он рискнул нанять лодку, рассчитав безосновательно, что пароход сядет вскоре на мель и ему удастся его догнать на лодке, что и оправдалось на самом деле.

Между всеми товарищами, ехавшими вместе со мною в Академию, я имел то неблагоприятное условие, что мне было всего 16 лет и 7 месяцев, тогда как по общему закону в высшее заведение принимались тогда, как и теперь, лица, которым исполнилось 17 лет. В виду этого я не мог рассчитывать поступить в Академию действительным студентом и решил на первое время записаться вольнослушателем с тем, конечно, условием, чтобы на следующий год перейти в действительные студенты. Мне, конечно, приходила в голову мысль, что разрешив прием гимназистов 8-го класса в 1873 г., Академия может отменить это правило для следующего года и тогда, пожалуй, мне нельзя будет без аттестата зрелости перейти из вольнослушателей в действительный студент; в виду этого, я много раз советовался со старшими меня лицами, но все решили, что этого быть не может, так как закон обратного действия не имеет. Эти заявления на меня подействовали так успокоительно, что более я уже не думал, что поступив в Академию вольным слушателем, я не буду принят в нее действительным студентом через год.

В Петербург мы приехали в праздничный день 30-го августа. Следующий же день, 31 августа, был последним днем подачи прошений в Академию. Должно заметить, что в 1873 г., благодаря вышеупомянутому объявлению, съехались в Петербург для поступления в Академию из различных концов Российского государства до 700 с лишком человек. Между тем Академия, желая пополнить свои тогда только что еще отстроенные обширные аудитории, рассчитывала на прием не более 500 человек, на каковое число и были заготовлены в Канцелярии Академии приемные бланки.

31 августа, в 10-м часу утра, я уже стоял перед дверьми актовой залы Академии среди толпы человек в 200, подобно мне желавших поступления в Академию. Ровно в 10 часов прошел между нами в залу ученый секретарь, профессор Ландцерт⁷, за которым вошли в залу и мы; тотчас же дверь за нами захлопнулась и кем-то отдано приказание более никого не впускать. Когда дошла до меня очередь, я подошел к столу, за которым сидел профес. Ландцерт, и подал ему свои бумаги с метрикою; посмотрев последнюю, ученый секретарь мне объяснил, что по недостатку лет я не могу рассчитывать на поступление в Академию действительным студентом. Когда я заметил, что я в прошении заявляю желание поступить воль-

⁷ Ландцерт Федор Павлович (1833-1889) – доктор медицины (1862), адъюнкт-профессор кафедры описательной анатомии (1863), ординарный профессор (1868), ученый секретарь МХА (1873). Руководил кафедрой анатомии в МХА 18 лет (1862-1880). Прекрасный лектор, сопровождал лекции наглядными рисунками, написал для кафедры и музея несколько анатомических картин масляными красками. // Профессора Военно-медицинской (медико-хирургической) академии (1798-1998), СПб., 1998. – С. 51.

нослушателем, то мне было предложено обратиться с этим непосредственно к г. Начальнику Академии, которым в то время состоял г. Чистович⁸. Я вышел из залы и позвонил к Начальнику, передав через его слугу прошение на вольнослушателя. К моему удивлению слуга явился от Начальника с заявлением, что Его Превосходительство не принимают прошения и велели обратиться к ученому секретарю. Оставаясь в недоумении относительно смысла этого ответа, я заявил слуге, что у ученого секретаря я уже был и там мне было отказано, поэтому я снова прошу его отнести мое прошение к г. Начальнику и объяснить ему в чем дело. Через несколько минут выходит ко мне сам г. Чистович и с видом теплого сердечного участия заявляет, что мне не следует поступать вольнослушателем, что нынешние правила поступления действительны только на один год, а на следующий год условия приема будут уже иные, потребуется аттестат зрелости и потому, если бы я вздумал теперь поступить вольнослушателем, я бы не мог рассчитывать на поступление в действительные слушатели в следующем году.

Эти слова меня поразили как гром, так как по недостатку лет я не мог рассчитывать поступить действительным студентом, о чем я и заявил сейчас же Начальнику Академии. Последний, однако, ободрил меня замечанием, что 5-6 месяцев мне могут подарить и предложил мне снова адресоваться к ученому секретарю, но с прошением уже на действительного студента.

Несмотря на эти одобрительные заявления г. Начальника Академии, я не мог чувствовать себя спокойным, потому что проф. Ландцерт, с которым он отнесся ко мне, когда я был у него с прошением в первый раз, я уже чувствовал, что им, по крайней мере, несколько месяцев мне подарены не будут; да и как пробраться в актовую залу, двери которой, будучи запертыми на ключ, отпирались только для выходящих из залы, но не для входящих в нее.

Много передумав за тот короткий путь, который отделял квартиру г. Начальника (помещавшуюся там же, где она помещается и теперь) от актовой залы и подошел к запертым дверям последней, я действительно убедился, что проникнуть в залу не было никакой возможности. Единственным утешением для меня явилось то обстоятельство, что у дверей актовой залы толпилось уже около 100-150 человек, явившихся после 10 час. утра, и подобно мне тщетно пытавшихся проникнуть в залу для подачи прошения. К тому же толпа с каждым часом все более и более увеличивалась.

Все, разумеется, нетерпеливо чаяли – не откроется ли дверь; но время шло, а дверь не открывалась; пришлось поневоле подчиниться своей участи и ждать выхода начальства из залы. Наконец церемония приема прошений и осмотра документов в зале была окончена, ученый секретарь вышел из залы, но на просьбы и мольбы о приеме прошений всех толпившихся у залы не обратил даже и внимания. Последним вышел из залы Инспектор студентов г. Песков. Его обступили со всех сторон и начали требовать приема прошений. Ему было заявлено, что опоздание на несколько минут против означенного срока не составляет преступления, за которое следует карать непринятием в Академию, что так как предстоит состязательный экзамен и если желают ограничить прием в Академию известным числом студентов, то правильнее всего было бы руководствоваться при этом успехами на приемных испытаниях, а не более ранней подачей прошения и пр.

⁸ Чистович Яков Алексеевич (1820-1885) – начальник академии в 1871-1875 гг., тайный советник, доктор медицины (1848), ординарный профессор, академик МХА (1868). В годы пребывания Я.А. Чистовича во главе академии создавались условия для привлечения в МХА молодых одаренных ученых. Диапазон его научных интересов был велик: судебный медик, гигиенист, историк медицины. Автор более 300 научных работ. // Профессора Военно-медицинской (медико-хирургической) академии (1798-1998), СПб., 1998. – С. 78.

Убеждения, видимо, действовали, так как Инспектор ушел от нас, обещав переговорить, а вернувшись через несколько минут, приказал дать из канцелярии несколько листов бумаги и карандашей, на которых мы быстро начертали свои фамилии. Осмотра документов при этом уже не производилось; их предложено было подать по выдержании испытания.

Кажется через день были уже назначены экзамены, на которых из 700 с лишним состязавшихся оказалось поступившими на первый курс Академии несколько более 500 человек. Так как я был в числе выдержавших испытание, то меня также зачислили в число действительных студентов, а впоследствии при подаче документов о моих летах не возникало уже и вопроса.

Следует заметить, что состязательные экзамены, несмотря на провал около 200 человек, были не трудными. Они состояли из испытаний по математике, главным образом, по арифметике и алгебре, по физике, латинскому и немецкому языкам и кроме того из подачи сочинения, написанного экспромтом на заданную тему. При этом требования по всем предметам были не высоки, что же касается сочинения, то в нем не столько обращалось внимание на содержание, сколько на правильность речи и грамматику. Поэтому и темы были незамысловаты. В большинстве случаев они были исторические, хотя попадались и с иным характером. Мне, например, пришлось писать на тему: «Волга и ее значение в государстве Российском».

Несмотря на относительную легкость экзаменов, постоянные волнения, пережитые мною со времени выхода моего из гимназии до поступления в Академию, совершившегося лишь около 10-15 сентября, отразились чувствительным образом на моем здоровье: у меня развилась бессонница и общее нервное расстройство, вследствие которых я должен был поместиться в клинику проф. И.М. Балинского⁹.

Здесь бессонница как бы сразу прекратилась и общее нервное расстройство совершенно оправилось в течение нескольких дней, благодаря чему я вскоре и был выписан из клиники¹⁰.

Кстати замечу, что кратковременное пребывание мое в клинике проф. И.М. Балинского не осталось без влияния на мою судьбу. Здесь я близко познакомился между прочим с доктором И.А. Сикорским¹¹, ныне проф. Киевского Университета, с которым знакомство поддерживалось мною и после выхода моего из клиники. Обмен мыслей с этим, тогда еще молодым врачом, приехавшим в Петербург для занятий психиатрией, в значительной степени повлияли на решение вопроса о будущей моей специальности.

Но не забегая вперед, я поведу рассказ с самого начала о пребывании моем в Академии.

⁹ Балинский Иван Михайлович (1827-1902) – основатель петербургской школы психиатров, один из основоположников психиатрии в России.

¹⁰ Обнаружена в архиве ВМА история болезни В.М. Бехтерева.

¹¹ Сикорский Иван Алексеевич (1842-1919). Окончил киевский университет в 1869 г. Степень доктора медицины получил в 1873 г. С 1873 по 1885 гг. жил в СПб, где изучал душевные и нервные болезни в клинике профессора И.М. Балинского, а с 1882 г. служил врачом в больнице Св. Николая Чудотворца. В этот период он стал приват-доцентом МХА и опубликовал 17 научных работ. С 1885 г. – профессор киевского университета по кафедре душевных и нервных болезней, с 1886 г. – редактор журнала «Вопросы нервно-психической медицины и психологии». И.А. Сикорский впервые предложил экспериментальный метод при изучении детской психопатологии, для этой цели им был организован Фребелевский институт в 1912 г. Ему принадлежит первая в России экспериментальная работа в области педагогической психологии (1878-1879 гг.).

Последняя, открыв двери своих аудиторий для огромного числа слушателей, к сожалению, упустила из виду принять заблаговременно соответствующие меры как для поддержания порядка в аудиториях, так и вообще, для дисциплинирования массы новых студентов. А дисциплинировать не мешало. Когда я в первый раз вошел в громадную, раскинутую амфитеатром, аудиторию анатомического Института, битком набитую новыми слушателями, моими сверстниками, то глазам моим представилась картина, которая не могла не поразить новичка, только что сошедшего с гимназической скамьи.

Значительное число студентов, наполнивших аудиторию, сидело в пальто, или с пледом, накинутым на плечи, в картузах и в шляпах, между которыми изредка попадались и цилиндры; о костюмах нечего и говорить – это была поразительная смесь всевозможных одеяний, блестящих разнообразными цветами, начиная от русской поддевки, прикрывавшей красную косоворотку, и кончая всевозможных цветов блузами. Костюмы интеллигентного европейца в этой толпе составляли лишь относительно редкое исключение.

При этом шум в аудитории от общего говора был такой, что трудно было слушать речь соседа. В довершение общей картины, большинство курило в аудитории самым неистовым образом, несмотря на навешанные повсюду надписи, запрещающие курить.

Уже с первого же раза мне бросилось в глаза, что эта многочисленная толпа слушателей чувствует себя в аудитории полным хозяином. И действительно, когда к нам вошел Суб-Инспектор, то никто и не думал прекратить курение и снять шляпы.

На замечание Суб-Инспектора, что в аудитории курить воспрещается, можно было заметить лишь улыбающихся физиономии куривших.

О снятии шапок Суб-Инспектор или постеснялся заметить или считал делать замечания уже излишним. Последнее я думаю ближе к истине, так как и на вторичное предложение (не курить в аудитории) результат оказался не лучше первого.

Очевидно, совладать с такой аудиторией было не под силу одному Суб-Инспектору, при том отрицательном отношении ко всяким уставам и власти, которое проявлялось среди студенчества того времени. Хотя при поступлении в Академию от всех нас были отобраны подписки под «честным словом» исполнять выработанные для студентов Академии правила, и беспрекословно подчиняться всем распоряжениям начальства Академии, но и «честное слово» оказалось для многих не имеющим никакого значения, так как оно трактовалось как вынужденное.

Словом сказать администрация заведения со своими правилами и подпискою под честным словом исполнять их в точности и подчиняться всем распоряжениям начальства Академии оказалась бессильною при первых же попытках с ее стороны внести порядок в аудиторию.

Но упустив в первый момент, администрации было уже труднее выполнить свою роль и дело свелось к тому, что во все последующее время мы были предоставлены самим себе; если Суб-Инспектор иногда и показывался в нашу аудиторию, то разве для проформы и, во всяком случае, боялся проронить слово во избежание каких-либо неудобных замечаний по его адресу; курение же и сидение в шапках и пальто считалось до того обычным делом для многих, что оно продолжалось и во время лекций профессора также, как и во время перемен.

Конечно, если бы подобное отношение к делу имело характер простой распущенности нравов, то оно представлялось бы далеко не столь серьезным делом.

Но, к сожалению, чувствовалось во всем, что в таком поведении обнаруживается намеренное пренебрежение всеми порядками, чувствовалось словом, что масса студентов, только что вступивших в заведение, была уже так отрицательно настроена ко всему, что достаточно было малейшего повода, чтобы такое настроение перешло в сильное брожение, приведшее к целому ряду студенческих историй и беспорядков.

И, действительно, повод вскоре явился или вернее был найден. Ровно через год начались серьезные беспорядки в Академии, кончившиеся выходом одного из профессоров, – беспорядки, в которых наш курс принимал особенно деятельное участие, несмотря на то, что профессор, против которого они были направлены, ему был вовсе неизвестен, как преподаватель. С тех пор беспорядки или вернее студенческие истории на нашем курсе сделались явлением хроническим, хотя они носили уже, по преимуществу, экзаменационный характер.

Само собой разумеется, что все эти условия отражались неблагоприятно на правильном ходе учебных занятий нашего курса и потому приходилось пополнять собственными усилиями. Про себя я могу лишь сказать, что, поступив в Академию, я нашел в ней то, что служило моею мечтою еще в последних классах гимназии, а потому о переходе в Университет я перестал и думать, да и самый переход был уже невозможен. Занимался я всегда очень старательно, с любовью, хотя и не всегда усердно посещал лекции профессоров, благодаря увлечению чтением книг по тем или другим интересовавшим меня предметам.

Во время прохождения курса Академии мне, как вероятно, и многим другим приходилось последовательно увлекаться разнообразными предметами, пока увлечение окончательно не склонилось в пользу психиатрии и нервных болезней. Занятия мои последним предметом начались собственно с 4-го курса, когда я получил разрешение посещать больных психиатрической клиники вместе с И.А. Сикорским.

Летом 1877 года с первых чисел мая и до осеннего времени я провел в действующей на Дунае армии, в санитарном отряде, снаряженном на средства братьев Н.А. и Ф.А. Рыжовых, в то время еще студентов Медико-Хирургической академии и Университета¹². Отряд этот, состоящий из семи студентов Медико-Хирургической Академии (включая и хозяина отряда Н.А. Рыжова), одного врача (В.Н. Попова), одного офицера (воспитателя пажеского корпуса), пожелавшего следовать вместе с отрядом, одного фельдшера и двух слуг (повара и служителя), представлял собою собственно подвижной госпиталь на 40 кроватей. Эта была единственная врачебная помощь на войне на частные средства.

В первый раз госпиталь наш начал действовать в Зимнице, в сражении при переправе русских войск через Дунай¹³. В Зимницу мы приехали на утро, в самый разгар битвы, которая на наших глазах еще продолжалась на том берегу Дуная. Тем не менее, прежде чем госпиталь наш мог приготовиться к приему раненых, большинство последних было уже переведено в иные госпитали и мы получили в первый день всего лишь 18 раненых, не считая больных и раненых, поступивших к нам в госпиталь в последующие за тем дни.

¹² В послужном списке моем упомянуто о трехмесячном пребывании на войне, но при этом не зачтено время пребывания нашего отряда в Румынии до начала военных действий за Дунаем (авторская ссылка В.М. Бехтерева).

¹³ Подробности о военных состояниях, в которых нам приходилось участвовать, и, вообще, о всех внешних условиях нашего отряда можно найти в моих письмах с войны, помещенных в газете «Северный Вестник» за 1887 год под псевдонимом «Санитар» (авторская ссылка В.М. Бехтерева).

Несмотря на огромное число раненных, госпиталь наш, будучи снабжен в изобилии всем необходимым для раненых и больных, уже на первых порах обратил на себя внимание ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II¹⁴, во главе своей свиты ежедневно посещавшего лежавших у нас раненых.

Благодаря этому, еще в Зимнице мы получили за подписью Главнокомандующего¹⁵ предписание, в силу которого наш госпиталь должен был состоять при главной квартире, откуда в случае сражений персонал госпиталя мог отправляться на место действий, образуя перевязочный пункт. Таким образом, кроме участия в сражении, при переправе русских войск через Дунай наш госпиталь мог побывать в месте главной квартиры в Тырново и участвовал в качестве перевязочного пункта в сражении при Порадимае (около Плевны), во время штурма Плевны, 30 августа, и при бомбардировке ее в первых числах сентября.

Первое наше путешествие по Болгарии было не из удачных, благодаря исключительно нашей неопытности. Получив предписание от Главнокомандующего следовать за главной квартирой лишь накануне того дня, как последняя должна была переправиться через Дунай в Болгарию, мы на скорую руку передали своих раненых в стоящий в Зимнице госпиталь Красного Креста и начали собираться в дорогу. Хозяйство наше было, однако, так далеко, что мы не успели справиться с ним в один день, вследствие чего, не смотря на торопливую укладку вещей, мы выехали из Зимницы в Болгарию одними или двумя сутками позже главной квартиры.

Это было спустя лишь несколько дней вслед за переправой русских войск через Дунай. Выехали мы из Зимницы не слишком рано. Кажется около полудня, когда мы потянулись со своими возами по узкому понтонному мосту, переброшенному через Дунай. Еще несколько минут, и мы были на Болгарской почве.

Уже самый въезд в Болгарию, которая тогда так много говорила сердцу русских, невольно вызвал в нас чувство приятного волнения. При том же нам казалось, что наше первоначальное путешествие по Болгарии по новизне впечатлений составит для нас только приятную прогулку. Но уже на первых же порах путешествия по Болгарии мы начали разочаровываться в своих ожиданиях.

Прежде всего, мы никак не могли думать, что мы очутимся в положении лиц, не знающих куда ехать, а между тем так случилось на самом деле. Уже в Зимнице мы убедились, что пребывание Главной квартиры в Болгарии находится под страшным секретом и должны были переправиться через Дунай, не узнавши предварительно о месте, куда переселилась главная квартира. Мы надеялись, однако, получить сведения о пребывании последней в самой Болгарии от встречаемых офицеров и болгар.

¹⁴ Александр II Николаевич (1818-1881) – Император Всероссийский с 19.02. 1855 г. – старший сын императора Николая I и императрицы Александры Федоровны. В результате реформ Александра II в России было отменено крепостное право, создана буржуазного типа банковско-кредитная система, суд присяжных, активно заработали земские институты, началось бурное железнодорожное строительство. Во внешней политике Александр II продолжал имперский курс: были присоединены новые территории на Кавказе, в Средней Азии, на Дальнем Востоке. С целью усиления влияния на Балканах и позиции освободительных движений славянских народов участвовал в войне с Турцией в 1877-1878 гг. В Европейской политике Александр II занимал германофильскую позицию, заключив «Союз трех Императоров» (1873 г. – Германия, Австро-Венгрия и Россия).

¹⁵ Николай Николаевич (1831-1891) – Великий князь, III сын Императора Николая I. Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. был главнокомандующим Дунайской армией.

В этом мы, однако, вскоре должны были совершенно разочароваться. Конечно, мы встречали за Дунаем и военных, и болгар, но первые отвечали нам, что они не знают, где главная квартира, а вторые нас или не понимали, или также заявляли о своем незнании.

К нашему горю в отряде нашем не оказалось карты Болгарии, за исключением случайно захваченной мною карты Балканского полуострова, изданной «Новым Временем» и которая, конечно, не могла служить нам путеводительницей в наших скитаниях по Болгарии. Результатом последнего обстоятельства было то, что при каждом разъезде мы должны были останавливаться, раздумывая над тем, куда следует ехать и, в конце концов, решали большей частью наугад.

Второе обстоятельство, которое смутило нас на первых же порах нашего путешествия по Болгарии, – это была невозможность добыть покупкою провизии для себя и для людей. Утомившись сборами и укладкой вещей с раннего утра и проплывав некоторое время по Болгарии, конечно, мы начали весьма явно ощущать пустоту в своих желудках. При нас, однако, имелись вывезенные из России консервы щей, разных супов, Швейцарского молока и мяса, но из них только консервы щей и молока оказались доброкачественными, остальные же отличались до того неизящным вкусом, что даже неразборчивые до качества пищи слуги нашего отряда наотрез отказывались их употреблять.

Впрочем, в дороге не до консервов, которых надо еще варить и, следовательно, раскладывать кухонные принадлежности. Мы думали лишь о том, чтобы наскоро закусить, хоть хлебом и, пожалуй, запастись в дорогу свежим мясом. Но каково было наше удивление, когда в окрестных болгарских деревнях мы не могли получить за огромную цену не только баранины или какой-либо иной живности, но даже обыкновенного хлеба. Очевидно, что все съестное было или закуплено войсками, ушедшими вперед ранее нас, и оставившими население при одном насущном куске, или они скрывали всякую живность и не хотели продавать даже и хлеба, может быть, из ложной боязни. Лишь после долгих поисков в одной из болгарских деревень нашим посланным удалось найти каравай из пшеничного хлеба, не более двух-трех фунтов весом, за который, однако, пришлось нам заплатить, кажется, восемь или одиннадцать франков золотом. Разделив этот каравайчик на 12 частей, по числу лиц нашего отряда и подкрепив, таким образом, хоть несколько свои силы, мы направились в путь по направлению к югу, останавливая каждого из встречаемых нам воинов и расспрашивая их о местопребывании главной квартиры. Но ответ всегда носил отрицательный характер.

Наконец мы встретили офицера, который, как мы знали ранее, должен состоять при главной квартире. Конечно, мы бесконечно обрадовались и пристали к нему с расспросами, но к нашему изумлению и тот офицер отрицательно покачал головой.

Видя, что никакие убеждения не помогают, хозяин наш предъявил бумагу с предписанием следовать нашему отряду за главной квартирой, но все было напрасно.

Единственно чего мы добились от этого офицера, это категорического заявления «поезжайте в Ивановац, а там узнаете куда дальше ехать». Хотя до Ивановаца было еще не близко, так как много времени было потеряно нами на блуждание из стороны в сторону, но мы, по крайней мере, знали теперь определенно, куда следует направлять свой путь.

День уже клонился к вечеру, когда мы по указаниям офицера направились в Ивановац; по дороге мы встречали довольно значительные пространства, сплошь

покрытые пеплом высотой в два-три аршина, среди которого торчали в виде неуклюжих колонн кирпичные полуобгоревшие трубы. Очевидно это следы сгоревших деревень, от которых не уцелело ни одной избы и не осталось ни одного живого лица. Только окрест голодные собаки еще напоминали иногда о бывшем здесь жилье человека.

Когда начало уже темнеть и мрак стал расстилаться вокруг нас, мы были поражены еще более тягостной картиной: повсюду кругом виднелись, как костры, пылавшие деревни и весь небесный свод представлял собою одно сплошное зарево. Чья рука поджигала эти мирные селения – для нас осталось совершенно неизвестным. Конечно, первая мысль наша была та, что болгары жгли из мести брошенные турками пустые дома и деревни, но с другой стороны не менее вероятным представлялось и то предположение, что оставшиеся в занятой нами области фанатизированные турки предавали огню то, что могли. Как бы то ни было, картина была крайне удручающего свойства и тут только мы поняли, в какой опасности мы находились сами, путешествуя без конвоя и проводников в местности, хотя и занятой русскими войсками, но далеко еще не очищенной от неприятеля.

К нашему счастью все обошлось благополучно и поздно вечером мы уже увидели на горизонте огни селения, именовавшегося Ивановац, в котором, как оказалось, стояла одна из наших дивизий. Войдя в деревню, занятую русскими войсками, мы, конечно, почувствовали себя в полной безопасности и могли спокойно расположиться на ночлег около деревни. Между тем наш доктор и сопровождавший отряд офицер отправились к дивизионному командиру. Последний, выслушав рассказ и цели нашего путешествия, был изумлен, что мы не взяли конвоя из Зимницы и тут же сделал распоряжение о снаряжении нас отрядом казаков, указав нам маршрут ехать на Тырново.

Дальнейшее наше путешествие по Болгарии обошлось без лишних мытарств. Еще не доезжая до Тырново, в соседней деревне Самоводах, мы увидели деревянные, украшенные гирляндами арки с надписью «Боже Царя храни». Не подлежало сомнению, что главная квартира – цель наших стремлений, – должна быть близко. Действительно, уже от жителей деревни мы узнали, что ГОСУДАРЬ и Главнокомандующий находятся в Тырнове, до которого оставалось не более двух верст пути, пролегающему по красивейшему в мире ущелью р. Янтры.

Наша цель в Тырнове носила мирный характер и нам не привелось даже распаковывать госпитальные вещи, так как не предвиделось вовсе поступлений больных.

Все раненые, привозимые с Шипки и из-за балкан, помещались главным образом в Габрово, где был устроен военный госпиталь, отчасти же в Тырново, в госпитале, устроенном на средства Красного Креста.

Последний госпиталь был далеко еще не полон, так как это было еще до знаменитых Шипкинских атак и раненых было сравнительно немного. Поэтому нам ничего не оставалось, как ждать случая, когда наша помощь может действительно быть необходимою. Такой случай, однако, представился не скоро. Точности ради следует заметить, что наше пребывание в Тырнове ознаменовалось внутренними раздорами в отряде, результатом которых было то, что мы остались без постоянного доктора; взамену же последнего к нашему отряду приурочили врачей, состоящих при главной квартире.

Из Тырново мы переехали затем вместе с ИМПЕРАТОРСКОЙ квартирой в Горный Студень, где провели совершенно бесплодно около месяца.

Узнав затем, что под Плевной ожидаются военные действия, мы направились туда из Горного Студеня в 20-х числах августа месяца и прибыли к Плевне как раз после совершенно неожиданного нападения турок на русские позиции при Порадимае, которое было отбито с довольно значительным уроном, а потому дела довольно и для нас.

Перевязав всех раненых, полученных нами после сражения при Порадимае, мы подвинулись еще ближе к Плевне и расположились в открытом поле в тылу левого фланга нашей армии, в нескольких верстах от деревни Багот.

Здесь наш госпиталь вместе с Лазаретом 16-й дивизии и отрядом Красного Креста с проф. Бергманом¹⁶ во главе, в виду ожидавшегося наступления на Плевнинские позиции образовали один общий перевязочный пункт, принявший после Плевнинского боя 30-го августа свыше трех с половиною тысяч раненых, из которых большая половина прошла через наши руки 30 и 31 августа. Конечно, для такого количества раненых ни средств, ни места в нашем перевязочном пункте (кстати сказать наиболее богатом средствами и персоналом из всех трех или четырех, устроенных в различных пунктах, расположенной наступающей армии) оказалось далеко недостаточно и здесь-то именно пришлось убедиться всем воочию, что как ни ужасна война сама по себе, она становится вдвойне ужасною при недостатке врачебной помощи. Штурм 30-го августа назначен в 3 ч. пополудни. Хотя до 30 августа и стояла все время ясная погода, но в этот день, уже вскоре после полудня небо обложилось облаками, а к трем часам дня начал сеять мелкий дождь, быстро размывший почву и в короткое время превративший ее в сплошную грязь.

Приблизительно к 5-6 часам вечера мы начали получать первых раненых с поля сражения. Уложив их в палатки, мы конечно принялись, где было можно, вынимать пули и вообще производить все те операции, которые были по нашим силам (большие операции делались под непосредственным руководством проф. Бергмана) и которые требовались состоянием раненых. Но вскоре к нам стали прибывать с поля действия раненые в таком количестве, что мы силою вещей вынуждены были оставить до времени не только всякие операции, но даже и простые перевязки, так как на первый план выдвигалась забота о том, чтобы дать раненым надлежащее место. К сожалению, и эта более чем скромная задача оказалась не по нашим средствам. В какие-нибудь час или два 5 палаток дивизионного лазарета и две наши палатки (следовательно все крытое помещение, которым мы располагали на своем пункте) были переполнены ранеными, но переполнены так, что в каждой палатке, содержавшей лишь 25 мест, было размещено по 75-80 человек и притом на голой земле, так как все решительно носилки, служившие в то же время и кроватями, были заняты при переноске вновь прибывающих раненых. Таким образом во всех палатках было помещено около 500 раненых.

Не трудно себе заметить, что это было такое. Раненые лежали наполовину перевязанными бок о бок друг с другом, а нередко и с умирающими или уже умершими. Теснота была такая, что трудно было проходить между ранеными, не рискуя наступить кому-нибудь на поврежденную руку или ногу. Но все те, которые помещались в палатку, при вышеуказанных условиях, были положи-

¹⁶ Бергман Эрнст (1836-?) – хирург, изучал медицину в Дерпте, Вене, Берлине. В 1860 г. получил ученую степень. В 1871 г. приглашен профессором хирургии в дерптский университет, а в 1877 г. был консультантом – хирургом русской армии на Дунае. После войны проф. Бергман отправился в Бюрцбург в качестве старшего хирурга госпиталя, а в 1882 г. получил должность профессора хирургии и директора хирургической клиники в Берлине.

тельно счастливыми по сравнению с теми, которые за неимением места в палатках помещались вне их, прямо на размытой, грязной почве под открытым небом, сыпавшим мелким дождем.

Страшно вспомнить, что таких несчастных только на одном нашем перевязочном пункте в ночь с 30 на 31 августа было не менее 1500. Само собой разумеется все, что могло дать кров для раненых, как, например, имеющиеся при нашем отряде фургоны, пологи и пр. были отданы в их распоряжение, но все это было лишь каплей в море. Без преувеличения можно сказать, что по крайней мере 1200-1500 человек из принятых нами раненых в течение первых 12-ти часов после начала Плевнинского боя не находило иного крова, кроме грязной, размытой почвы, оставаясь в течение всей ночи под дождем, и притом часто даже без верхней одежды, которую иные раненые покидали ради своего облегчения еще на поле сражения. Все эти несчастные, дрожа от холода и сырости и мучимые страшными болями от ран, ползком добирались до палаток, громоздясь друг на друга и моля врачей о пощаде. Но что можно было сделать, когда не было возможности взять откуданибудь соломы, на которую можно было бы укладывать постоянно подвозимых раненых, не находивших места в палатках?

В довершение всего злосчастная ночь отличалась поразительной темнотою: за два шага нельзя было уже ничего различать, в силу чего вся работа с уложением раненых должна была производиться с фонарями. Общий стон и вся картина была вообще так ужасна, что ум человеческий вообразить этого не может.

Вся ночь с 30 на 31 августа прошла для нас почти исключительно в укладывании несчастных раненых. Только к утру следующего дня мы могли вновь приступить к перевязке раненых и затем началась отправка последних по направлению к Булгарении, где помещался огромный военный госпиталь; но лишь на третий день после сражения все принятые в нашем пункте раненые были перевязаны, а некоторые из них и оперированы.

За все это время конечно мы не могли и думать ни о сне, ни об удовлетворении чувства голода, которого, впрочем, и не ощущалось. Чай, который постоянно кипятился в котелке, повешанном над костром, был единственным средством, подкреплявшим наши силы. Не зная как другие, но я чувствовал себя как в чаду все три дня, начиная с вечера 30 августа и вообще мало понимал, что кругом совершалось.

На третий день после того, как перевязка всех раненых была уже вполне окончена, мы хотя и были утомлены до крайности, но движимые чувством любознательности, решили поехать на наши Плевнинские позиции, с которых мы получили такое огромное количество несчастных. Нам удалось объехать всего, кажется, две или три из наших батарей, содержавших огромные крепостные орудия. Как сейчас помню на одной из этих позиций адъютант навел подозрительную трубу на открытое место, раскинутое впереди злосчастного Родищевского редута, который был несколько раз безуспешно атакуем русскими в знаменательный день 30 августа. Я взглянул в подозрительную трубу и глазам моим представилась ужасная картина: все видневшееся впереди поле было усыпано трупами русских и ранеными, обнаруживавшими еще признаки жизни своими судорожными движениями. Не трудно было различать в подозрительную трубу и цвет, и даже форму одежд. От таковой картины я невольно отшатнулся. Из пояснения адъютанта мы убедились, что эти трупы и несчастные раненые остаются на месте со времени Плевненского боя и нет никакой возможности их подобрать, так как

многочисленные попытки, производимые в этом направлении, вызывали со стороны турок открытие огня, уносившего новые жертвы.

На другой из позиций адъютант пожелал при нас открыть пальбу из огромных крепостных орудий. Заметив, что один болгарин накануне ему сообщил, будто бы в одной из мечетей Плевны, часть которой была прекрасно видна с позиций, турки устроили пороховой погреб, он заявил нам, что попытается взорвать этот погреб и тотчас же приказал наводчику приготовить орудия, пообещав за удачный прицел на водку; адъютант начал командовать и тотчас же с нашей батареей стали раздаваться оглушительные выстрелы. Спустя некоторое время, такие же выстрелы начали слышать и с других наших батарей; вскоре турки начали отвечать и таким образом произошло настоящее артиллерийское сражение.

Уже стало смеркаться, как мы начали возвращаться с позиций. Над головой нашей то и дело раздавался заунывный свист неприятельских гранат, разрывавшихся в шагах 150-200 вокруг нас; когда мы уже спустились с возвышенности, на которой была расположена наша батарея послышалась и надрывающая сердце ружейная трескотня и с цепи, очевидно также открывшей огонь по неприятелю.

С позиций мы вернулись в свой госпиталь уже поздно вечером и в первый раз после стольких тревожений могли отдохнуть и прилечь. Но так как все, что было при нашем отряде, дававшее кров от непогоды, было предоставлено раненым, то все мы, за исключением одного, приютившегося в фургоне, должны были искать отдыха на земле, расположившись около стоявшей вблизи и совершенно мокрой от дождя копне сена. Несмотря на продолжительный гул орудий, на постоянно доносившуюся до нас ружейную пальбу и несмотря на сырость почвы, на которую мы должны были лечь без всякой подстилки в одних гуттаперчевых пальто, мы заснули сном убитых, не чувствуя даже дождя, безжалостно мочившего нас в течение нескольких часов. Проведенная при таких условиях ночь, конечно, не могла не отразиться губительно на здоровье почти всего отряда, как это вскоре и обнаружилось.

На другой день рано утром мы получили еще около 100 раненых, большую частью крайне тяжелых с гранатными повреждениями – жертв вчерашнего боя. На перевязку этих раненых еще хватило наших сил, но затем начала обнаруживаться среди нас жестокая лихорадка, жертвой которой, кажется, сделался прежде всего хозяин и я, а вскоре затем и другие лица в отряде за исключением лишь одного, спавшего накануне в фургоне. Благодаря большому запасу хинина, имевшемуся при нашем отряде, мы правда могли еще на первых порах бороться с недугом, но о дальнейшей деятельности отряда нечего было и думать. К тому же наступательная война с нашей стороны на долго приостановилась вследствие решения блокировать Плевну с помощью ожидавшихся на театре военных действий новых войск, входящих в состав гвардии Петербургского Округа.

Поэтому эвантировав значительную часть раненых, находившихся в нашем госпитале, и передав остальных в лазарет 16 дивизии мы отправились в место пребывания главной квартиры, которая помещалась тогда в Баготе или в Булгаренях – точно не помню. Заявив здесь о своем решении вернуться на родину, мы были не мало удивлены, узнав, что нас прежде чем отпустить желают представить ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ. Этим крайне лестным для нас предложением мы были поставлены в большое затруднение, так как наши костюмы до такой степени были поношены, загрязнены, а отчасти и изорваны, что нам и в голову не приходило о возможности представления ГОСУДАРЮ в таком виде.

Нам, однако, было заявлено, что в этом случае костюм второстепенное дело и что нам следует подчиниться...

Выслушав это, мы наскоро привели в порядок свое платье, которое, впрочем, и в испреленном виде было далеко неудовлетворительно и затем к назначенному сроку прибыли в ИМПЕРАТОРСКУЮ квартиру, где мы встретили генерала Косинского, пожелавшего лично представить нас ИМПЕРАТОРУ.

Вся ИМПЕРАТОРСКАЯ квартира, в которой кроме ГОСУДАРЯ, как говорили тогда, помещался и граф Адлерберг¹⁷, представляла собою небольшой двухэтажный деревянный домик, содержащий вряд ли более шести комнаток в обоих этажах с небольшим двором, в одной стороне которого под навесом была устроена столовая ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Подождав немного у ворот главной квартиры, мы вошли по приглашению ген. Косинского во двор, где мы увидели ГОСУДАРЯ, вышедшего к нам из столовой. Вместе с ГОСУДАРЕМ к нам подошел и Главнокомандующий. ГОСУДАРЬ поздоровавшись со всеми нами, обратился первоначально к хозяину отряда – студенту 3 курса Медико-Хирургической Академии (ныне врачу) Н.А. Рыжову со словами благодарности, между которыми особенно трогательно звучали слова ГОСУДАРЯ: «у меня немного таких, как ты». В такое тяжелое время как война и при тех условиях, в которых мы находились, эти слова тронули нас до глубины души.

Обратившись затем ко всем нам, студентам бывшей Медико-Хирургической Академии, как сотрудникам отряда, ГОСУДАРЬ также милостиво выражал нам свою благодарность за деятельность на войне в столь трудное время и при этом заметил, что ЕМУ особенно приятно убедиться, что наконец-то «чушь из головы студентов начинает выходить». Мы, конечно, поняли, что слова эти отражали в себе упрек, обращенный ко всему студенчеству по поводу хронически повторявшихся беспорядков в Академии и Университетах. Представление наше кончилось пожалованием Станислава с мечами¹⁸ Н.А. и Ф.А. Рыжовым, как хозяевам отряда, пожертвовавшим на его организацию значительные суммы и выражением благодарности отряду со стороны Главнокомандующего, после чего нас пригласили к завтраку за Царским столом.

Такое угощение, конечно, было кстати, так как был уже второй час, а мы проведши целое утро в сборах и хлопотах по приведению в порядок своего костюма и не подумали о своих желудках.

Вслед за представлением мы начали собираться на родину. Все имущество, относящееся к больным, как-то: палатки, больничное белье, верхнее платье, обувь, перевязочные средства и запас лекарственных веществ было передано хозяином отряда в Красный Крест. Из больничного запаса медикаментов был удержан при себе лишь хинин, потребный для лечения заболевших и могущих еще заболеть членов отряда.

¹⁷ Адлерберг Александр Владимирович (1818-1888) – граф, с 1872 по 1881 гг. – министр императорского двора, приближенное лицо императора Александра II, принимавший деятельное участие во всех важнейших событиях его царствования (Энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон. Биографии. – М., 1991. – Т. 1. – С. 102.)

¹⁸ Орден Станислава имел статут 1815, 1829 и 1839 гг. Предусматривалось, что орден мог даваться за благотворительную деятельность, за учреждение значительных и полезных для страны мануфактур, за неоспоримо полезные открытия в земледелии, торговле, науках, искусствах и ремеслах, а также «за сочинение и обнародование творений, признанных общепользовными». Знаком ордена были золотой крест под красной эмалью и звезда. Крест находился на муаровой ленте красного цвета с двойной белой каймой с каждой стороны. Крест имел три степени и текст орденского девиза – «Награждая, поощряешь». Шепелев Л.Е. // Титулы, мундиры, ордена. – Л., 1991. – 223 с.

Последняя предусмотрительность оказалась далеко не лишней. Едва мы добрались до Систова, как приступы лихорадки обнаружились в сильнейшей степени у всех членов отряда и потому волей-неволей пришлось сделать в Систове остановку на более продолжительное время. Хотя и я раз подвергся вновь жестокой лихорадке, но нуждаясь в скорейшем прибытии в Петербург к началу лекций на 5-м курсе, я должен был поторопиться с выездом обратно в Россию и потому, освободившись на время от приступов лихорадки, я оставил возвращающийся отряд в г. Систове и отправился в Петербург один. Дорогой я вновь, однако, подвергся жестоким приступам лихорадки, которые продолжались в сильнейшей степени и по приезде моем в Петербург, вследствие чего я вынужден был поместиться на время в клинике покойного проф. С.П. Боткина¹⁹. По выписке из клиники я усердно принялся за свои занятия по курсу, чему, однако, мешали время от времени повторяющиеся приступы лихорадки. В марте месяце мы узнали, что наши выпускные экзамены, по случаю военного времени, назначены ранней весной, именно в апреле месяце, вместо того, чтобы быть отнесенными на осеннее после каникулярное время, как это бывало прежде. При этом все выпускные экзамены распределены были всего на 20 дней – с 1 по 20 апреля месяца. Таким образом для подготовки к экзаменам мы почти не имели времени.

На мое несчастье почти весь период экзаменов я снова стал подвергаться жесточайшим приступам перемежающейся лихорадки. При таких условиях, конечно, пришлось выходить на экзамены подчас без всякой подготовки, в надежде на сделанный прежде запас знаний. Тем не менее экзамены я сдал вполне успешно, получив 20 отличных. Когда объявлен был нам результат экзаменов, мы узнали, что во всем курсе лишь трое получило не менее двух третей отличных из всех предметов (г. Левашев, Г. Ранчевский и я) и всего 32 человека окончило курс.

Впоследствии, в силу допущенных переэкзаменовок, оказалось, что еще один из окончивших курс получил две трети отличных. Все четверо, получившие не менее двух третей отличных, были удостоены конференцией Академии звания докторов без особого экзамена и кроме того трое (г. Левашев, г. Ранчевский и я) получили премии. Тотчас по выяснении результата экзамена все лица, окончившие курс с *summa laude* были приглашены на конкурс для зачисления в профессорский Институт при Академии. Как обыкновенно конкурс состоял в писании экспромтом сочинения на выбранную по жребию тему из ранее заготовленных конференцией Академии.

Жребий нам представил тему «Лечение чахотки гигиеническое и фармацевтическое». Свои произведения мы должны были впоследствии сами читать перед конференцией Академии. После чего в том же заседании конференции происходила и баллотировка на предмет оставления при Академии. Выбранными оказались: я, Левашев, Ястребов, Феноменов, Никаноров, Стальников, Патенко и Корнилов. Все поименованные лица распределились затем сообразно выбранным ими предметам для занятий по следующим клиникам: я остался при психиатрической клинике профессора И.П. Мержеевского²⁰, Левашев, Никаноров и Стальников – при тера-

¹⁹ Боткин Сергей Петрович (1832-1889), тайный советник, доктор медицины (1860), профессор (1861), академик МХА (1872), почетный член двух университетов, 35 русских и 9 иностранных медицинских обществ. Классик русской медицины, основоположник функционального направления в отечественной клинической медицине.

²⁰ Мержеевский Иван Павлович (1838-1908) – руководитель кафедры психиатрии с 1877 по 1893 гг. Тайный советник, доктор медицины (1869), профессор (1877), академик ВМА. Автор 150 научных работ. Впервые описал микрогирию при идиотии. Под его руководством защищено 25 диссертаций. В 1883 г. под редакцией И.П. Мержеевского стал выходить журнал «Вестник клинической неврологии и психиатрии».

психической клинике профес. С.П. Боткина, Ястребов и Патенко – при акушерской клинике профессора К.Ф. Славянского²¹, Феноменов – при акушерской клинике профессора Горвица²², Корнилов же, сколько мне известно, вскоре уехал в Москву, где продолжал свои дальнейшие занятия, вследствие чего он и не был зачислен в профессорский Институт врачей при Академии.

Следует заметить, что вследствие военного времени мы получили по конкурсу лишь право на оставлении при Академии в будущем, первое же время весь наш курс был зачислен в особо сформированный при клиническом госпитале временный запас врачей армии, пребывание в котором, однако, никому из будущих институтских врачей не мешало заниматься избранным им предметом при соответствующих клиниках. Поэтому хотя зачисление меня в число врачей Института состоялось лишь в 1880 г., но регулярные занятия в клинике профессора И.П. Мержеевского я мог начать тотчас же после окончания курса в Академии. Первым моим делом было изучить мозг в анатомическом отношении и затем ознакомиться возможно ближе с больными клиники и со способами их содержания и лечения. Всякий, кто имеет ясное представление об избранной мною специальности, легко поймет, что на эту предварительную подготовку должно пойти не мало труда. Тем не менее, благодаря любезному содействию и нравственной поддержке врачей клиники и в особенности профессора И.П. Мержеевского, работа моя пошла успешно и в сравнительно короткое время я мог уже приступить к разработке разнообразных научных вопросов.

Надобно заметить, что время, в которое я начал свою научную деятельность, было периодом особенного оживления в нашей специальности. Тогда, между прочим, вновь ожило, казавшееся было, умершим, психиатрическое общество, заседания которого, происходившие в клинике были почти всегда полны живого научного интереса. Вместе с тем в то время еще только что зачиналось у нас новое направление психиатрии, имевшее целью в своих клинических положениях и выводах опираться, главным образом, на данные анатомии и физиологии нервных центров. При таких условиях, конечно, работа спорилась вдвое.

В 1881 г. был напечатан труд под заглавием «Опыт клинического исследования температуры при некоторых формах душевных заболеваний», представленный мною в конференции Академии на соискание докторской степени. От официальных оппонентов профес. В.В. Пашутина²³, И.П. Мержеевского и А.Г. Полотебнова²⁴ труд этот на диспуте был удостоен чрезвычайно лестных похвал и

²¹ Славянский Кронид Федорович (1847-1898) – доктор медицины (1870), экстраординарный профессор (1877). Руководил кафедрой акушерства и гинекологии с 1877 по 1898 гг. Одним из первых внедрил метод асептики и антисептики, что позволило резко активизировать хирургическую деятельность и снизить смертность.

²² Горвиц Мартын Исаевич (1836-1883) – доктор медицины (1865), экстраординарный профессор (1877), руководил кафедрой с 1877 по 1883 гг. Автор более 30 научных работ, в том числе известного фундаментального «Руководства к патологии и терапии женской половой сферы».

²³ Пашутин Виктор Васильевич (1845-1901) – начальник академии в 1890-1901 гг. Тайный советник, заслуж. профессор (1896), академик ВМА (1890), почетный член многих медицинских обществ, в частности Лондонского Королевского общества. С 1874 по 1879 гг. – профессор кафедры общей патологии Казанского университета, где читал также курс фармакологии и физиологии. // Профессора Военно-медицинской (медико-хирургической) академии (1798-1998), СПб., 1998. – С. 14.

²⁴ Полотебнов Алексей Герасимович (1838-1907). Действительный ст. Советник (1894), доктор медицины (1867), адъюнкт – профессор (1875), экстраординарный профессор (1890), ординарный профессор (1894). Руководил кафедрой дерматологии ВМА с 1875 по 1894 гг. В основу созданного им направления в дерматологии положил принцип нервизма, присутствующий школе С.П. Боткина. Согласно этой теории болезни кожи рассматривались как поражение целостного организма. // Там же. С. 166-167.

самый диспут прошел вообще с особенным успехом. Осенью того же года в силу предложения, сделанного мне проф. И.П. Мержеевским, я доцентирован при Академии вместе с доктором Э.Р.

На доцентирование некоторые из моих сверстников по Институту, кажется, взглянули не совсем благосклонно, видя в нем, так сказать, скачок с моей стороны вперед, но вскоре и они последовали моему примеру. В конце 1883 г. вслед за уходом из клиники А.Е. Черемшанского²⁵ открылось при ней место штатного врача, которое я и занял по представлению профес. И.П. Мержеевского в начале 1884 г.

Впрочем, мне уже недолго после того привелось оставаться в клинике. В начале мая 1884 г. в конференции Академии состоялась баллотировка меня на одну из заграничных вакансий, а к началу июня месяца я уже отправился в заграничную командировку с научною целью.

Еще ранее избрания моего в заграничную командировку от Академии, по случаю освобождения при Казанском Университете, за смертью профессора Фрезе²⁶, доцентуры по психиатрии, возник вопрос о моей кандидатуре на освободившуюся вакансию. И хотя, благодаря солидным рекомендациям, я был избран на кафедру в Казанском Университет, но мысль лишиться двухлетней заграничной командировки до такой степени была для меня тягостна, что я решил отказаться на этот раз от кафедры в Казани.

Из Казани меня, однако, убеждали не покидать намерения о переходе в Казань на кафедру в ближайшем будущем, так как вопрос о замещении кафедры психиатрии вместе со снятием моей кандидатуры был отложен до осеннего времени, когда ожидалось введение нового устава, вместе с которым открывалось при Университетах профессура по психиатрии и нервным болезням.

Первым моим желанным пунктом заграничной командировки был Берлин, в котором я провел около шести недель, т.е. ровно столько, сколько в нем было позволено оставаться мне, как и другим русским, въехавшим вместе со мною в этот прусский город, находившийся в то время почему-то в осажденном положении. Это было время изгнания Бисмарком русских, поляков и евреев, а под этим предлогом и всех русских вообще, к какому бы званию они не принадлежали. По крайней мере нельзя объяснить себе иначе того по истине чудовищного факта, что въехавшие в то время в Берлин русские врачи, командированные русским Правительством с ученою целью за границу, как то и значилось в их паспортах получали официальное позволение (Erlaubnis, как значилось в заголовке самой бумаги) оставаться в Берлине не более шести недель, по истечении какового срока предлагалось немедленно же оставить город.

Получив такой документ наравне со своими товарищами, проживавшими в то время в Берлине и ухищрявшимися какими-то ходатайствами продлить себе срок пребывания в Берлине, я решил не следовать их примеру, а воспользоваться лишь шестинедельным сроком пребывания в Берлине. В течение этого времени

²⁵ Черемшанский Александр Евграфович (1838-1905). окончил МХА в 1861 г. Работал городским врачом и главным врачом тюремных больниц. Впоследствии перешел на работу в психиатрическую клинику к профессору И.М. Балинскому. В 1873 г. Был направлен для усовершенствования в психиатрические учреждения Германии, Англии, Франции, Швейцарии и Бельгии. До 1883 г. работал в ВМА, затем главным врачом в Больнице Всех Скорбящих.

²⁶ Фрезе Александр Иустинлович (1826-1884) – доктор медицины с 1865 г., первый преподаватель психиатрии в Казанском университете. Он получил психиатрическое образование в Преображенской больнице в Москве (1855-1862) и за границей. В 1872 г. получил звание ординарного профессора. Он был также и директором вновь открывшейся Окружной лечебницы в Казани на 200 кроватей.

я посещал лекции покойного профессора Westphal'a²⁷, Mendel'a, посещал физиологический Институт доктора BoisReymond'a, главным образом, его вивисекционное отделение, находившееся тогда под заведованием профессора Kraepcke'a, осмотрел все или почти все из имеющихся в Берлине и его окрестностях заведений для душевно-больных, посещал происходившие в то время заседания ученых обществ Берлина и познакомился с более выдающимися берлинскими представителями неврологии и психиатрии. К концу срока пребывания в Берлине я думал было сделать объезд по крупным научным центрам Германии, чтобы выяснить для себя, где бы я мог с большим успехом заняться на первое время неврологией и психологией, без знакомства с которыми клиническое изучение невропатологии и психиатрии является в такой же мере бесплодным, в какой является неполным или даже и вовсе невозможным изучение хирургии с нормальной анатомией или же изучение терапии внутренних болезней без знакомства с физиологией.

Первым пунктом, куда я направился, был Лейпциг и здесь то я именно нашел то, чего искал относительно условий своих научных занятий, в силу чего тотчас же решился переселиться из Берлина в Лейпциг.

В последнем я провел около года, работая при психиатрической клинике профессора Flechsig'a²⁸, психиатрической лаборатории профессора Wundt'a²⁹, физиологическом Институте профессора Ludwig'a³⁰, в особенности же в его гистологическом отделении, находившемся под заведованием профессора Gaule.

Вскоре по приезде в Лейпциг я узнал, что нашим Министерством уже обнародован университетский устав, в силу которого при университетах Казанском и Киевском открылись вакантные кафедры психиатрии и нервных болезней. В то же время из Казани предложено мне было подать немедленно же докладную записку в Министерство с целью заявить свою кандидатуру на кафедру в Казанский Университет, что я и сделал.

Спустя недели 2 или 3 после того я получил любезное письмо от профессора И.П. Мержеевского, которому я вообще в жизни обязан многим, – письмо, содержащее в себе упрек, что я не сообщил ему письменно о подаче своего заявления в Министерство и извещавшее меня о том, что Министерство запрашивало о мне как его, профессора Мержеевского, так и профессора Балинского, и что о мне дан, как он выразился в письме, блестящий отзыв с указанием на мои труды

²⁷ Вестфаль (Karl Westphal – 1833-1890) – выдающийся немецкий невропатолог и психиатр. Получил медицинское образование в Цюрихе, Гейдельберге, Берлине и Париже. Основатель первой берлинской школы психиатров. С 1874 г. – ординарный профессор психиатрии Берлинского университета (сменил на этой кафедре Гризингера). Им описаны спинно – мозговые расстройства при некоторых формах прогрессивного паралича и спинной сухотки. Дал классическое описание навязчивых состояний, хотя сам термин был предложен ранее Крафт-Эбингом. Выделил как самостоятельную нозологическую форму острую паранойю. С 1868 г. издавал «Архив психических и нервных болезней».

²⁸ Р. Flechsig (1847-1929) – выдающийся немецкий невропатолог. В 1872 г. сделал открытие в нейрогистологии – эмбриональный или метод развития. В 1876 г. П. Флексигу удалось выделить моторные и сенсорные поля головного мозга.

²⁹ Вильгельм Вундт (1832-1920) – немецкий психолог и философ, основатель современной экспериментальной психологии. В 1879 г. им была открыта первая в мире лаборатория экспериментальной психологии при Лейпцигском университете. В 1883 г. – основал журнал экспериментальной психологии «Философские исследования».

³⁰ Людвиг Карл Фридрих Вильгельм (1816-1895) – немецкий физиолог, основатель научной школы, иностранный чл.-корр. Петербургской АН (1871). Предложил в 1846 г. физическую теорию мочеотделения. Открыл в 1851 г. секреторные нервы слюнных желез, а в 1866 г. совместно с И.Ф. Ционом т.н. депрессорный нерв.

и оценкой некоторых из них³¹. Вскоре затем в ответ на мое заявление я получил из Министерства уведомление, что я буду назначен на кафедру психиатрии и нервных болезней в Казанском Университете.

Получив это уведомление в то время, когда я уже всей душой отдался своим научным занятиям в клинике профессора Р. Flechsig'a, мне стало грустно расстаться с ними тотчас же, мне было тяжело подумать, что я должен буду отказаться от самых интересных и поучительных для меня занятий в заграничных лабораториях и клиниках в течение более полутора года, которые мне предстояло еще провести в командировке. Тем не менее отказаться от предстоявшего мне назначения казалось уже и неудобным, по крайней мере без особого основания, а потому я решил написать в Министерство бумагу, в которой предлагавшееся мое назначение на кафедру в Казань, я думал обусловить такими требованиями, чтобы само Министерство прислало мне отказ за невозможностью удовлетворить эти требования. В один вечер бумага была изготовлена. В ней я извещал Министерство, что я буду согласен быть назначенным на кафедру в Казань лишь при том условии, если при кафедре будет устроено место ассистента (которого ранее не полагалось), если мне будут отпущены средства на устройство особого кабинета для занятий по центральной нервной системе, если будет построена в Казани клиника для психических и нервных больных и если мне будет разрешена заграничная командировка с содержанием от Министерств народного просвещения в течение полутора года в виду того, что я состою уже в командировке от военного Министерства.

Вся бумага была написана в тоне не допускавшем уступок, но всего этого мне казалось еще недостаточно и я отправился к одному из живших тогда в Лейпциге соотечественников доктору В.Ф. Чижу³², прося его придумать более энергичный способ выражения, чтобы в отказе со стороны Министерства нельзя было сомне-

³¹ В фондах мемориального музея В.М. Бехтерева имеются эти отзывы. Профессор И.М. Балинский писал: «Знакомство мое с г. Бехтеревым ограничивается встречами с ним в клинике душевных болезней и в заседаниях психиатрического общества и не дает мне никакого права судить о личных его достоинствах. Преподавательские способности г. Бехтерева оценены по достоинству выбором его в приват-доценты при Императорской Военно-медицинской академии. Компетентность мнения Конференции Академии в этом отношении не подлежит, для меня лично, никакому сомнению... Многочисленные ученые труды В.М. Бехтерева, желающего занять имеющуюся в Казанском Университете вакантную кафедру по душевным и нервным болезням... представляют несомненный интерес и доказывают его наблюдательность, умение пользоваться клиническим материалом, стремлением объяснить замеченные явления... Плодовитость автора поразительна, он быстро приходит к выводам весьма смелым и решительным, быть может со временем не все его заключения оправдаются, но во всяком случае он стал твердою ногою на почве анатомо-физиологическую единственную, от которой следует ожидать дальнейшего успеха науке о нервных и душевных болезнях, он в состоянии самостоятельно работать в этом направлении, проверять труды других ученых и руководить работой своих учеников...». И.П. Мержеевский отмечал: «Ознакомившись ближе с качествами ума и характера г-на Бехтерева, я позволю себе засвидетельствовать о нем, как о весьма даровитом, трудолюбивом и скромном ученом, обещающим сделаться солидным невропатологом и прекрасным преподавателем. Октябрь 1884 г». Архив мемориального музея В.М. Бехтерева, фонд I, ед. хр. 8-9.

³² Чиж Владимир Федорович (1855-1914). Окончил СПб. МХА в 1878 г., был прикомандирован к психиатрической клинике профессора И.П. Мержеевского, где защитил диссертацию, затем учился за границей. В 1885 г. получил место ст. врача в больнице Св. Пантелеймона около СПб., с 1888 г. читал лекции по психопатологии в СПб. университете, а с 1891 г. стал профессором кафедры психиатрии в Юрьеве, сменив на этой кафедре Э. Крепелина. Автор многочисленных трудов по клинической и судебной психиатрии и психологии.

ваться. После новой корректуры бумага была переписана мною в течение ночи и на другой же день отправлена по назначению.

В течение 1½ или 2 месяцев мне пришлось ждать отказа от Министерства. Наконец, однажды утром почтальон подает мне конверт со штемпелем Министерства народного просвещения. Наконец-то все кончено. Подумал я. Но каково было мое удивление, когда, развернув пакет, я убедился, что об отказе в бумаге не было и речи. Напротив того, бумага как бы признавала все мои требования вполне основательными и подлежащими удовлетворению. По крайней мере, в ней значилось, что об ассистенте я могу поднять ходатайство по приезду в Казань, что об устройстве кабинета мне следует хлопотать по приезду через факультет и совет, и что средства на этот предмет будут отпущены Министерством, что клиникой мне будет служить Казанская Окружная Лечебница, консультантом коей я буду назначен, по возвращении в Россию, что же касается заграничной командировки, то в бумаге говорилось, что, так как я уже состою в командировке от Военного Министерства, то я и могу продолжать оставаться в этой командировке впредь до августа месяца 1885 г., т.е. до начала следующего учебного года, когда я буду назначен на кафедру в Казань.

Нечего и говорить, что я был вполне доволен таким результатом и занятия мои пошли с удвоенной энергией.

Весной 1885 г. я отправился в Париж через Кельн и по пути остановился в Бонне, где осмотрел с подробностью одно из богатейших заведений прирейнского края, находившееся в то время под управлением профессора Neisse. Как ни прекрасно построено это заведение, все же при его осмотре нельзя было не выразить удивления баснословной дороговизне его постройки, достигавшей, кажется, несколько миллионов марок. Провожавший меня врач успокоил меня, однако же, тем, что добрая половина этой суммы в кармане архитекторов. Такие заявления производят на русского всегда несколько успокоительное действие. Он убеждается, по крайней мере, что не в одном его «варварском» отечестве возможны подобные случаи, но и у цивилизованных европейцев.

В Париже я познакомился с профессором Charcot³³ и под руководством последнего знакомился с больными, содержащимися в его отделениях Сальпетриера. Личность этого замечательного ученого произвела на меня глубокое, почти чарующее впечатление не только благодаря любезности и внимательности, с которой он относился ко мне, но и благодаря поразительной простоте изложения своих лекций.

Вернувшись из Парижа снова в Лейпциг для продолжения своих занятий и окончания начатых мною научных исследований, я закончил свою заграничную командировку посещением колониального заведения для душевнобольных в близ Лейпцига, заведения в Галле, находящегося под заведыванием профессора Nytzig'a, Мюнхенского психиатрического заведения с анатомической лабораторией, находящегося под заведыванием профессора Gudden'a и осмотром лаборатории психиатрического отделения, находившегося под заведыванием профессора Meynert'a в Вене.

Вернувшись из-за границы в Петербург, я поехал тотчас же представиться Г. Министру. Прием был более чем любезный. Министр, увидев меня впервые и услышав мою фамилию, выразил живейшее удовольствие, что я перехожу на

³³ Шарко Жан Мартин (1825-1893) – французский невропатолог. Руководитель больницы Сальпетриер в Париже. С 1860 г. – профессор невропатологии Парижского университета. Исследовал клинику органических заболеваний нервной системы. Описал боковой амиотрофический склероз. Известен исследованиями гипнотизма и клиники истерии.

службу в Министерство народного просвещения, тотчас же припомнил лестные отзывы, данные о мне профессором И.П. Мержеевским и И.М. Балинским, выразил удивление по поводу количества моих работ, расспрашивал меня, где и как я провел время за границей, интересовался вопросом о распространенности и развитии нервных и душевных болезней за последнее время и, наконец, перешел на тему о талантливых русских врачах, между прочим о профессоре Захарьине³⁴, в то время лечившего графа Д.А. Толстого³⁵, и о С.П. Боткине. Затем, сказав еще несколько лестных слов по моему адресу, Министр закончил длившуюся более часа беседу восклицанием: «Да. Может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов русская земля рождать. Вот может и рождать».

Я вышел из приемной Министра совершенно очарованный любезностью и направился в Министерство, куда мне предложил обратиться за справками Г. Министр. Здесь я узнал, что мое назначение уже состоялось в июне месяце, и что я назначен вопреки ожиданиям, экстраординарным профессором психиатрии. По поводу последнего обстоятельства мне заявили, что иначе не могло и произойти, так как иной вакансии не имелось, но что при первой открывшейся при Университете ординатуре меня назначат ординарным профессором, что и осуществилось приблизительно через полтора года вступления моего на службу в Казанский Университет. Будучи в Министерстве, я не преминул напомнить, между прочим, о том, что мне было обещано дать суммы на устройство кабинета, открыть должность ассистента или ординатора при моей кафедре и устроить клинику при Окружной Лечебнице. Обещания были подтверждены, причем мне было заявлено, что Министерство Народного просвещения дало свое согласие на назначение директора Лечебницы от Министерства Внутренних Дел только под условием назначения профессора психиатрии консультантом лечебницы, как клиники, с правом преподавания нервных и душевных болезней. Из Министерства народного просвещения я отправился в Медицинский Департамент Министерства Внутренних Дел для того, чтобы узнать из уст Г. Директора Департамента свое будущее положение при лечебнице. Сие было сказано. Что я буду назначен консультантом специально с целью клинического преподавания при лечебнице и что с этой целью я должен буду войти в соглашение с Г. Директором лечебницы и выработать совместно с ним правила психиатрической клиники при лечебнице, которая и будет утверждена Министерством Внутренних Дел.

Вступительная моя лекция в клинической аудитории Казанского Университета о причинах и распространении душевных расстройств в современном обществе привлекла большое количество слушателей и произвела впечатление; на следующий же день она была подробно реферирована в местной прессе. Покойный помощник попечителя Казанского округа г. Малиновский, присутствовавший на лекции, долго изливал мне свой восторг по поводу этой лекции и впоследствии почти при каждом свидании вспоминал о ней с чувством особенного удовольствия.

³⁴ Захарьин Григорий Антонович (1829-1897/98) – российский терапевт, основатель московской клинической школы, почетный член Петербургской АН (1885). Автор широко известных клинических лекций. Усовершенствовал анамнестический метод исследования.

³⁵ Толстой Дмитрий Андреевич (1823-1889) – граф, действительный тайный советник. В 1865-1880 гг. – обер-прокурор Св. синода, совмещая этот пост с апреля 1866 г. по апрель 1880 г. с должностью министра народного просвещения. Провел реформу среднего образования (1871) на основе сословного принципа: низшая школа – для народа, реальные училища – для буржуазии, университеты – для дворянства.

Кроме чтения лекций и составления курса первым моим делом по приезде в Казань было обставить кафедру средствами и пособиями, служащими для демонстративного преподавания, а равно и в клиническом отношении. Дело в том, что по приезде в Казань я не нашел при кафедре никакого решительно имущества, могущего служить пособием к демонстративному или клиническому преподаванию психиатрии.

Окружная Лечебница также блестела отсутствием учебных пособий и только благодаря заботам бывшего директора ее, ныне Директора Медицинского Департамента Министерства Внутренних Дел, она стала впервые обзаводиться научными средствами.

Когда я в одном из первых заседаний Факультета заявил о курсах своей кафедры, прося Медицинский Факультет ходатайствовать об открытии при занимаемой мною кафедре места сверхштатного ординатора с содержанием и об отпуске мне одновременно тысячи рублей на устройство кабинета и 300 руб. ежегодно на его содержание, многие из членов факультета охотно соглашались на представление моего ходатайства в Министерство, тем не менее, отнеслись с полным недоверием к возможности осуществления подобного ходатайства. Между тем бумага моя, будучи заслушана в совете, получила уже разрешение из Министерства, так как последнее, отпуская особые добавочные суммы Университету, оговорило, что известная часть должна пойти на основание кабинета при кафедре психиатрии.

С этих пор при Казанском Университете было положено начало психиатрической лаборатории, обладающей уже разнообразными средствами и приборами, необходимыми для исследования анатомии и физиологии центральной нервной системы, а также и пособиями для исследования в области экспериментальной психиатрии.

Лаборатория эта, в которой уже имеет богатое собрание эмбриологических и патологоанатомических препаратов из центральной нервной системы служит не только для занятий молодых врачей, подготовляющих себя к практической деятельности в области невропатологии и психиатрии, но является важнейшим подспорьем при чтении общего курса психиатрии.

Вскоре после разрешения суммы на основание психиатрической лаборатории при Университете ходатайство об открытии места ординатора при кафедре получило также удовлетворительное разрешение, и вместе с тем мне удалось организовать клинический курс психиатрии при Окружной Лечебнице.

Прежде всего, сообщая с бывшим ее директором, Л.Ф. Рагозиным³⁶, были выработаны правила устройства психиатрической клиники при Окружной Лечебнице, которые и были затем утверждены Министерством Внутренних Дел.

Учреждение психиатрической клиники при лечебнице, заменив прежнюю личную унию лечебницы и Университета, возникшую благодаря служебному совместительству, не только обеспечило за Университетом право практического преподавания психиатрии при Окружной Лечебнице при кровати больного, но и придало самой лечебнице характер учебно-вспомогательного учреждения, которого она вовсе не имела или почти не имела в прежнее время.

Без сомнения, клиника при лечебнице, управляемой Директором и имеющей в высшей степени сложное и обширное хозяйство, не могла обладать тою полноправностью, которая в этом была бы желательна, тем не менее, учреждение ее

³⁶ Рагозин Лев Федорович (1847-1908). В 1889 г. Л.Ф. Рагозин получил повышение по службе и возглавил медицинский департамент при министерстве Внутренних Дел в СПб.

является, несомненно, успехом в деле организации клинического преподавания психиатрии при Казанском Университете, которое ранее, сколько известно, даже и не велось систематически. С 1886 г. по моему ходатайству на университетские средства организовано для лекций студентам 5-го курса правильное и бесплатное сообщение с лечебницей на извозчицких экипажах, благодаря чему были устранены до известной степени и те неудобства преподавания в лечебнице, которые связаны с отдаленным положением ее от города. Наконец, в течение 1889-1890 учебного года при Окружной Лечебнице был образован особый клинический кабинет, представляющий собрание препаратов, необходимых при всестороннем исследовании психических больных, разбираемых на лекциях перед студентами.

За последнее время надежды Казанского Университета складываются около проектируемой постройки новых факультетских клиник, в числе которых предположено иметь и психиатрическую. С устройством последней Казанский Университет в отношении клинического преподавания психиатрии будет обставлен также, как и многие из Университетов Западной Европы и вместе с тем он приобретет себе тот научный центр, который естественным образом будет привлекать к себе значительное число молодых сил, желающих потрудиться на практическом и научном поприще клинической психиатрии».